

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

САТИРА В СБОРНИКАХ А. Т. БОЛОТОВА «МАГАЗИН ДОСТОПАМЯТНЫХ БУМАГ И НОСИВШИХСЯ В НАРОДЕ СЛУХОВ»

А. Т. Болотов более всего известен и специалистам, и читателям его записок¹ как человек, стремившийся к очень подробному описанию своей жизни и сопутствовавших ей обстоятельств. Об этом говорит и его обширный архив, в значительной части состоящий из неопубликованных дневниковых записей и вариаций на тему жизнеописания. Но, кроме того, Болотов выступал и как собиратель различных устных и письменных свидетельств своей эпохи, которые он также переписывал и подшивал в хронологической последовательности. Отчасти эти материалы использовались им в дальнейшем при написании следующих частей мемуаров. В то же время очевидно, что они представляли для него самостоятельную ценность, и он собирал их как для себя, так и для потомков.

В период с 1796 по 1815 г. Болотов составил тридцать рукописных сборников под общим заглавием «Магазин достопамятных бумаг, носившихся в народе» с единой нумерацией частей. Объемы всех сборников примерно равны, чуть больше 200 листов форматом в 1/8, все они переплетены в картон и снабжены оглавлениями и пагинацией. Основное содержание сборников составляют документы, которые, по мнению Болотова, могли представлять исторический интерес. Это различные реляции, приказы, речи и письма монархов, вельмож, полководцев и высших

¹ Самая полная публикация мемуаров Болотова: Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 4 т. СПб., 1870—1873.

чиновников (например, наместников провинций), церковных иерархов, положения о рекрутском наборе, денежной реформе, лотерее и т. д. Большая часть этих материалов переписана из газет или других периодических изданий, иногда на это даже имеются указания. Кроме того, сборники включают различные стихотворные и прозаические произведения, как авторские, так и анонимные, также частью взятые из журналов, а частью полученные из других источников: списанные у знакомых, присланные в письмах или где-то услышанные.

О том, как заполнялся «Магазин...», можно отчасти судить по письму Болотова сыну Павлу от 12 мая 1801 г. из Дворянинова, в котором он рассказывает о неожиданном визите к нему в усадьбу И. Т. Балабина, давнего сослуживца, получившего к началу XIX в. генеральский чин. Болотов пригласил старого товарища гулять по саду и там увидел все привезенные им сокровища: «Наконец притащили <нрзб.> в беседку и его шкатулку, и ну-ка он достает оттуда разные стихотворения, каких я еще не видал и не читывал <...>. А я сам в себе думаю и смышляю о том, как бы все это и все сии прекрасные вещицы у него списать. Зову-кричу Сережку, одну пиесу в руки ему, другую Петрушке, две Катерине, а последнюю Сергею. Все должны были в сей день писать, и все сделаться моими секретарями».² Из перечисленных имен Катерина — дочь Болотова, которой к тому моменту было 23 года, а остальные — грамотные крепостные, возможно специально отобранные для участия в пополнении литературной коллекции барина.

У хронологических рамок сборника есть своя логика, обусловленная биографией составителя. До 1796 г. Болотов служил управляющим императорской Богородицкой волости и жил в городе Богородицке Тульской губернии. Эта должность давала ему приличный доход и доступ к различным источникам информации: он часто ездил в Тулу и Москву, постоянно общался с людьми из крупных городов и столицы, мог себе позволить выписывать много периодических изданий. В это время Болотов увлекался созданием больших исторических обзоров событий по материалам отечественных и иностранных газет. Это сборник «Хронологическая история семи лет. 1779—1786», от которого сохранилась только первая часть,³ не сохранившаяся «История

² Письма А. Т. Болотова сыну П. А. Болотову // РО РНБ. Ф. 89 (Архив А. Т., П. А. и А. П. Болотовых). № 106. Л. 5 об.—6.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 349 (Архив А. Т. Болотова). № 13.

шведской войны», которую он начал писать в 1788 г.,⁴ «Историческое обозрение всего происходившего в свете» за 1792 г.,⁵ «Богородицкий вестник» в двух частях за 1793 г.⁶ и «Памятник протекших времен» за 1796 и 1797 гг.⁷ В 1797 г., после смерти Екатерины II, Болотов окончательно вышел в отставку и затем уже почти безвыездно жил в своей усадьбе Дворяниново, имея больше времени для разных занятий, но находясь в тульской глуши и сократив круг непосредственного общения. Прекращение же этой серии, как и вообще сокращение объема писавшегося, по всей видимости, связано с тем, что в 1814—1815 гг. у Болотова начало резко портиться зрение, и это очень заметно по рукописям: буквы становятся крупнее, почерк неровным, все чаще начатое заканчивается другим почерком, иногда его рукой написано только заглавие.

Появление и прекращение серии может быть определено и внешними обстоятельствами. Первый сборник отражает прежде всего свидетельства, связанные со смертью Екатерины II и воцарением Павла I, т. е. с окончанием долгого благополучного царствования и началом нового, политически нестабильного периода. В заметке от февраля 1796 г. в сборнике «Памятник претекших времен», посвященном рубежу царствований Екатерины II и Павла I, Болотов отметил: «Никогда не было в народе и в Москве столько едких сатир и пасквилей, как ныне».⁸ Заканчивается серия на следующий год после окончания войны с Наполеоном, т. е. тоже по завершении значимого исторического периода.

Большинство сборников сохранилось. Части 1—7 и 17—30 находятся в РНБ, остальные в РГБ.⁹ Не сохранились 3-я, 16-я, 21-я и 29-я части, пропавшие еще в начале XIX в. О них в письме издателю М. И. Семевскому писал внук Болотова Михаил Павлович: «Если можно о чем пожалеть, то это о пропавших 4 томах его „Магазина достопамятных событий“, которые кто-то зачитал еще при жизни его, и он об них всегда с соболезованием вспо-

⁴ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 4. Стб. 342, 364, 384.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.7.

⁶ Там же. Карт. 1.8, 1.9.

⁷ Болотов А. Т. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1975. Ч. 1—2.

⁸ Там же. Ч. 1. С. 91.

⁹ РО РНБ. Ф. 89. № 78—95; НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 2.1—2.8.

минал». ¹⁰ Свидетельство это показательно еще и тем, что прямо говорит о популярности сборников в кругу близких Болотову людей (вероятно, многочисленных родственников и соседей): выражение «кто-то зачитал» означает, что эти рукописные книжки читали многие. Первые три сборника охватывают период с 1796 по 1810 г., а остальные двадцать семь — с 1811 по 1815 г. Учитывая, что все документы примерно равного объема, это означает, что в первые годы Болотову хватало одной такой книжки на несколько лет, но с началом Отечественной войны одна книжка заполнялась за 3—4 месяца.

Болотов всегда проявлял повышенный (по крайней мере, для провинциального помещика) интерес к политике, в том числе международной. Еще во время службы в Семилетнюю войну он взялся составлять выборку материалов из немецких газет, посвященных актуальным событиям, переводя их на русский язык, и был разочарован тем, что его сослуживцы этим не заинтересовались. ¹¹ Серией материалов, аналогичной «Магазину достопамятных бумаг» и отчасти продолжающей ее, но связанной исключительно с российской историей, являются четыре сохранившиеся части сборника под названием «Отечественник» за 1814, 1818, 1820 и 1826 гг. ¹² Наконец, неким предшественником всех этих серий можно считать небольшой сборник из 88 листов 1768 г. «Собрание достопамятных вещей или разных сочинений, носившихся в народе». ¹³ В нем основная часть документов связана с обстоятельствами восшествия на престол Екатерины II. Сборник имеет подзаголовок «Часть I», были ли другие части или только планировались, неизвестно.

Описанный выше материал отчасти был введен в научный оборот Г. А. Гуковским и В. С. Орловым в 1933 г. ¹⁴ Разрабатывая предложенную Гуковским концепцию «дворянской фронды» и оппозиции XVIII в. как раннего этапа зарождения революционного движения в России, ¹⁵ они опубликовали ряд текстов из пер-

¹⁰ Болотов М. П. Записки (2) Семевскому Михаилу Ивановичу о А. Т. Болотове // РО ИРЛИ. Ф. 537 (Архив А. Т. Болотова). № 40. Л. 2.

¹¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. Стб. 652.

¹² НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 3.1—3.4.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.6.

¹⁴ Подпольная поэзия 1770—1800-х годов / Публ. Г. А. Гуковского и В. С. Орлова // Литературное наследство. XVIII век. М., 1933. Т. 9/10. С. 5—98.

¹⁵ См.: Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760 годов. М.; Л., 1936.

вых четырех болотовских сборников. В дальнейшем эти тексты неоднократно использовались специалистами в разных работах, но полного обзора материалов, которые содержатся во всех сборниках, до сих пор нет. Данная статья призвана восполнить это пробел.

Из всех названных выше серий только «Магазин достопамятных бумаг» включает собственно художественные произведения, в том числе поэтические. Отбор этих текстов тоже подчинен историческому принципу: Болотов переписывал те, которые имели отношение к некоему событию: военной победе, смерти какого-то известного или высокопоставленного лица, визитам монархов, коронациям, рождениям наследников престола, началу войны и т. д. В первую очередь это оды или торжественные песни, авторы которых обычно указаны. Среди них: М. М. Херасков, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, П. И. Шаликов, С. Н. Глинка, М. В. Милонов, Н. Ф. Остолопов и т. д. Есть также стихотворение А. С. Пушкина «На смерть Кутузова». Источники этих произведений печатные, чаще всего это журналы (например, «Друг юношества», «Русский вестник» и т. д.), которые Болотов обычно указывает. В данном случае не столь важно, переписан ли текст непосредственно из печатного источника или с другого списка. Очевидно, что статус этих произведений принципиально иной, чем у «бумаг» или, как их еще называл Болотов, «листочков, носившихся в народе». Такой пометой обычно снабжены сатирические сочинения, преимущественно стихотворные, и они-то и представляют наибольший интерес для исследования, так как их автор, контекст возникновения и формы бытования не всегда ясны, а сборники Болотова иногда оказываются единственной известной нам фиксацией текста.¹⁶ Следует отметить, что в «Собрании достопамятных вещей...» за 1768 г. приводится только одно сочинение, обозначенное как «сатирическое неизвестного автора» — это «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д. И. Фонвизина,¹⁷ а в «Отечественнике» сатиры нет совсем.

Начиная с 1811 г. подавляющее большинство (а в некоторых частях — абсолютное большинство) сатирических произведений

¹⁶ Можно с большой степенью уверенности утверждать, что Болотов не включал в эти сборники собственных сочинений, так как в то же время он составил несколько рукописных книжек своих стихов. С другой стороны, можно предполагать некоторую субъективность отбора, как это будет продемонстрировано далее.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.6. Л. 79 об.—80.

(сатиры, памфлеты, басни, песни, эпиграммы, сатирические эпитафии и даже описания карикатур) носят антинаполеоновский характер. Этот материал требует отдельного изучения и не будет здесь рассмотрен. Данная статья представляет собой обзор сатирических произведений, помещенных Болотовым в сборники из серии «Магазин достопамятных бумаг...», написанных на злободневную проблематику. Необходимо уточнить, что актуальность в сборниках нередко носит относительный характер. Если исторические документы действительно четко расположены по хронологии, то сатирические произведения, если судить по их распределению по сборникам, продолжали «носиться в народе» довольно долго. С одной стороны, стихи на смерть Павла I, отставку Державина, опалу М. М. Сперанского появляются у Болотова очень оперативно. С другой — стихи на смерть Г. А. Потемкина 1792 г. Болотов помещает в сборник 1796 г., а стихотворение «Преимущество», половина которого посвящена М. В. Ломоносову и его современникам, оказывается в сборнике за 1814 г. Судя по состоянию текстов, в которых встречаются ошибки и темные места, в целом нехарактерные для болотовского стиля, он довольно строго следовал имевшемуся в его распоряжении оригиналу, хотя однажды в примечании пожаловался, что «при переписке очень много выдалось непонятого, ошибок».¹⁸ В частности, в текстах, включенных в сборники, часто сбивается стихотворный размер, чего никогда не случается в собственных стихах Болотова, встречаются темные места, неверно прочитанные, ошибки в именах и фамилиях и т. д.

Среди сатирических произведений, которые Болотов переписал в свои сборники, нет ни одного не только непристойного, но даже сколько-нибудь фривольного содержания (единственное исключение — известная рифма к слову Европа, обозначенная у Болотова точками, в антинаполеоновской эпиграмме).¹⁹ Кроме того, не встречается ни одной сатиры, касающейся вопросов религии, веры и Церкви или ее иерархов. Вероятно, тут действовала самоцензура, в том числе и потому, что иногда вписывание того или иного материала поручалось кому-то из детей или дамам, а сами сборники имели широкое хождение в семейно-дружеском кругу.

В то же время среди сатир на лица встречаются довольно резкие и грубые, и в некоторых случаях Болотов считал необходимым снабдить их пометами, выражающими его отношение к тексту.

¹⁸ РО РНБ. Ф. 89. № 78. Л. 78.

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 2.1. Л. 133.

Например, оду С. Н. Марина «О ты, что в горести напрасно на службу ропщешь, офицер...»,²⁰ являющуюся пародией на «Оду, выбранную из Иова» Ломоносова и направленную против павловской муштры, Болотов назвал «глупой».²¹ К стихотворению «Бостон» того же Марина²² есть более пространное примечание: «Нижеследующее ругательное и злобное сочинение в стихах носилось в народе в 1805 году, но кем сочинено неизвестно (достоверностию, а думать надобно какою-нибудь беспокойною и недовольною правительством буйною головою, употреблявшею дарование свое во зло)».²³ Аналогичное примечание дается и к притче «Орлица, Турухтан и Тетерев» Д. В. Давыдова.²⁴ «Сие хотя ловко сочиненное, но дерзкое и ядом и злобою дышущее и сожжения достойное стихосплетение носилось в народе в начале 1805 года. О сочинителе всеобщая молва носилась, что был он некто г. Давыдов, человек острый, молодой, но примкнувший к таким злословиям, и за сие будто бы он наказан ссылкой в Сибирь, чего он по всей справедливости заслуживает».²⁵ К эпиграмме на П. В. Лопухина,²⁶ жанр которой обозначен как «Грамматическая надпись», также дано краткое, но справедливое примечание: «...дерзкие сии стишки носились также в народе 1805 года. Но кто сочинил их также неизвестно, а по всему заключить можно, что недовольным (sic!) князем Лопухиным».

В целом во всех сохранившихся сборниках насчитывается 27 сатирических произведений, за исключением антинаполеоновских. Большинство из них переписаны без указания автора, хотя встречаются и исключения. Помимо названных выше, среди авторских можно также назвать басню В. Д. Санковского «Пороки и наказание», эпиграммы И. И. Дмитриева на Д. И. Хвостова, А. С. Шишкова и А. А. Шаховского и экспромт Державина. В «Приложении» приводятся тексты, источники и публикации, которых обнаружить не удалось.²⁷ Они обозначены

²⁰ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX века / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л., 1959. С. 173—176.

²¹ РО РНБ. Ф. 89. № 79. Л. 99 об.

²² Поэты-сатирики... С. 569—571.

²³ РО РНБ. Ф. 89. № 79. Л. 170.

²⁴ Давыдов Д. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацура. Л., 1984. С. 54—56.

²⁵ РО РНБ. Ф. 89. № 79. Л. 72 об.

²⁶ Подпольная поэзия... С. 68.

²⁷ В данном случае можно лишь повторить слова Г. А. Гуковского, предваряющие его публикацию стихов из болотовских сборников: «Я хочу

сквозной нумерацией, далее в статье в круглых скобках даются ссылки на номер текста в «Приложении» и страницу настоящего издания.

Среди указанных 27 текстов есть очень небольшая группа произведений, очевидно созданных в иной по отношению к Болотову социальной среде. Именно поэтому два из них вызвали особый интерес Гуковского и Орлова и были выбраны ими для публикации в числе прочих, причем в приложении к разным статьям. Это «Сатирическая песня на исправников»²⁸ и стихотворение «Солдатская жизнь» (Болотов указывает автором гренадера Измайловского полка Ивана Макарова).²⁹ Третий текст, отражающий чаяния горожанина, называется «Плач петербургских жителей» (8: 295) и посвящен проблемам подорожания продуктов, в частности сахара. Наконец, очевидно фольклорными являются незаглавленные стихи, в которых показано бедственное положение в современном мире персонифицированных добродетелей. Вариант этих стихов, отличающийся от болотовского, но датированный тем же 1806 г., приводит Т. Шиман как пример памфлета, ходившего в Москве в 1806 г.³⁰ Но еще ранее подобные стихи под заглавием «Известия новейших времен» бытовали в старообрядческой среде.³¹ На их связь с жанром «Газеты с того света» или «Адской почты», вероятно, впервые указал в 1962 г. К. В. Чистов.³² Один из вариантов этого текста приписывается А. С. Хвостову.³³

дать в моей публикации именно неизданный материал, но оговариваюсь, что поручиться за неизданность всех текстов, включенных мною в нее, было бы слишком смело при настоящем состоянии нашей библиографии» (см.: Подпольная поэзия... С. 94).

²⁸ Подпольная поэзия... С. 32.

²⁹ Солдатские стихи XVIII века / Публ. Г. А. Гуковского. Текст прилож. подгот. В. С. Орловым // Литературное наследство... С. 143—152.

³⁰ Шиман Т. Александр I / Пер. с нем. СПб., 1908. С. 37.

³¹ См.: Юзов И. (Каблиц И. И.). Политические воззрения староверья // Русская мысль. 1882. № 5. С. 197; Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С. 29—30. Там же приводятся тексты.

³² Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала Академии наук. 1962. Вып. 35: Вопросы литературы и народного творчества. С. 126. См. также: Алпатов С. В. «Газета из ада»: фольклорные механизмы рукописной сатиры XVIII—XX веков // Тверское фольклорное поле — 2010. Доклады и публикации: памяти Ю. М. Соколова (1889—1941). Тверь, 2011. С. 138—144. Благодарю М. Л. Лурье за помощь в поиске этих сведений.

³³ Поэты-сатирики... С. 595—596.

Тематика и адресаты остальных произведений, распространенных в дворянской среде на протяжении как минимум двадцати лет, позволяют назвать такие тексты своего рода «дворянским фольклором», бытовавшим как в устной, так и в письменной форме и отражавшим весь спектр эмоций, владевших дворянином средней руки: от надежд, возлагавшихся главным образом на власти, до крайней степени недовольства некоторыми событиями, явлениями русской жизни и отдельными лицами. Именно сатира на конкретных лиц представляет собой самую большую группу произведений. Среди тех, кто является объектом осуждения и осмеяния, — И. И. Голиков (1735—1801), Г. А. Потемкин (1739—1791), Г. Р. Державин (1743—1816), Е. Р. Дашкова (1743—1810), Г. П. Гагарин (1745—1808), П. В. Лопухин (1753—1827), Павел I (1754—1801), П. И. Голенищев-Кутузов (1767—1829), М. М. Сперанский (1772—1839).

Больше всего сатирических произведений посвящено Сперанскому. Причина такого внимания к личности Сперанского очевидна из самих текстов, которые свидетельствуют прежде всего о том, что введение образовательного ценза для чиновников было болезненно воспринято дворянством. Первые три стихотворения помещены почти рядом в четвертой части «Магазина...» за 1809—1811 гг. Это — короткая эпиграмма³⁴ и два длинных стихотворения (во втором личности Сперанского касается только один фрагмент). В первом стихотворении под заголовком «Мысли унылого дворянина» (6: 287) Сперанский не называется прямо, он (как и в эпиграмме) именуется поповским сыном, который «как мыльный шар, летает». В стихотворении выстраивается цепь причинно-следственных связей, из которой следует, что образованное «на французский манер» дворянство с гораздо меньшим рвением будет выполнять свой гражданский долг, и это повлечет за собой упадок могущества России. Во втором стихотворении «Увы» автор с горечью констатирует: «Что правят русскими сынами / Не баричи, а звонари!»³⁵ Он обращается к покойной императрице Екатерине, жалуясь на карьерные препятствия и сопоставляя ее благотворный для страны «русский» «Наказ» с бесполезным римским правом, которое теперь заставляют учить чиновников.

В обоих стихотворениях есть мотив простого счастья жизни, противопоставляемого иностранной образованности, и тема зло-

³⁴ Подпольная поэзия... С. 90.

³⁵ Там же. С. 93.

намеренного чинения препон продвижению дворянина по службе, которую можно интерпретировать в духе «теории заговора». В девятом сборнике за 1813 г., т. е. уже после опалы Сперанского, помещен акростих, заканчивающийся яростными строками: «О изверг естества, ненасытима пасть / Иди оплакивать заслуженную часть!» (10: 298).

Вторым объектом повышенного внимания в сборниках оказывается Державин, причем все связанные с его личностью тексты касаются его государственной службы, точнее отставки, т. е. Державин выступает в них прежде всего как чиновник. На первый взгляд, это может показаться странным, так как общественная роль Державина была несомненно ниже, чем роль Сперанского, не говоря уже об императоре Павле I, заслужившем только двух упоминаний. Но здесь, вероятно, сыграл свою роль личный неблагоприятный опыт общения Болотова с Державиным-чиновником, отразившийся на отборе текстов. Болотов высоко ценил Державина как поэта и неоднократно упоминал об этом. Но в 1803 г. он был вынужден обратиться к министру юстиции Державину за разрешением своего земельного спора с богатым помещиком А. И. Пашковым, от которого, по сведениям Болотова, Державин получил взятку в размере 6000 рублей. После долгих проволочек и заступничества Ф. В. Ростопчина,³⁶ Болотов был принят Державиным, но вопрос все же был решен в пользу Пашкова, и в письме сыну Павлу от 8 февраля 1803 г. Болотов отзывается о Державине так: «Я увидел его обнаженного от всего ложного блеска и призрака. И в нем вместо беспристрастного верховного блюстителя правосудия и великого человека ничто (так! — А. В.) иное, как слабого, в высочайшей степени пристрастного, по уши закупленного и от истины, правды, человеколюбия, добродушия и прочее и прочее так далеко удаленного, а напротив того к подлейшим свинствам самого презренного какого-нибудь блинника столь приближенного человека».³⁷ Помимо короткого ироничного экспромта самого Державина³⁸ из первого сборника Болотов помещает во вторую часть «Магазина...» два стихотворения.

³⁶ *Ростопчин Ф. В.* Письмо к Г. Р. Державину от 15 янв. 1803 г.; *Державин Г. Р.* Письмо к Ф. В. Ростопчину от 10 февр. 1803 г. // *Русская старина.* 1899. № 9. С. 615—616.

³⁷ *Лазарев А. Я., Толмачев А. Л.* Новые страницы жизни и приключений Андрея Тимофеевича Болотова. Публикация писем к сыну 1803 года с предисловием и комментариями // *Наше наследие.* 1988. № 2. С. 50.

³⁸ *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 354.

Во-первых, это «Дежурство, стихи сочиненные кем-то на случай падения Державина и приписуемые многими самому ему».³⁹ В нем человеческая жизнь уподобляется тлеющему угольку и служебному дежурству, которое рано или поздно заканчивается. Вторая же сатира в том же сборнике, «Запрос Державину» (4: 285), очень злая, в ней перечисляются возможные причины отставки Державина, связанные с неблагоприятным поведением его самого или его жены (взятки, неправосудные решения, интриганство). Стихотворение заканчивается резким сравнением, дающим основание полагать личную неприязнь его автора к «певцу Фелицы», которую Болотов, по всей вероятности, разделял.

Еще один человек, к которому Болотов явно не был расположен, но уже без всякой личной причины, был князь Потемкин. Оба помещенные в «Магазин...» стихотворения посвящены его смерти, известие о которой Болотов в мемуарах прокомментировал как: «всю Россию не столько огорчением, сколько радостью поразившее».⁴⁰ Ранее опубликованные, «Стихи на смерть Потемкина»⁴¹ перечисляют все пороки князя, а второе стихотворение, написанное на мотив «Мальбрук в поход пустился...», содержит намек на близкие отношения Потемкина с племянницей и иронически преувеличивает пышность похорон (2: 281).

Павлу I, как и Потемкину, также посвящены два стихотворения: уже упомянутая ода Марина, а также «Разговор в царстве мертвых» между Павлом I, Екатериной II и Суворовым,⁴² в котором Екатерина спрашивает сына, зачем он так рано явился, а Суворов интересуется, что это за мода, носить на шее шарф. Павел отвечает, что те, кого он любил, «тирански умертвили» его этим шарфом. Отношение Болотова к Павлу I было неоднозначным. Очевидно, что в начале правления Павла Болотов возлагал на него большие надежды по части наведения порядка в чиновничьей среде и в отношении уменьшения роскоши среди высокопоставленного дворянства. В Павле он видел монарха более последовательного и организованного, чем его мать, не склонного к фаворитизму, строгого, но следующего закону, а не личным предпо-

³⁹ Грот поместил это сочинение в раздел приписываемых Державину с примечанием, что первая публикация этого текста состоялась в журнале «Сын Отечества» за март 1843 г. (См.: *Державин Г. Р. Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота.* СПб., 1866. Т. 3. С. 583—585).

⁴⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 4. Стб. 864.

⁴¹ Подпольная поэзия... С. 18.

⁴² Там же. С. 55—56.

чтениям.⁴³ Но, вероятно, со временем его отношение изменилось, о чем свидетельствует фраза в том же письме сыну о борьбе за свои земельные права: «Словом, изобразить истинно не можно того, как здесь все и все идет! Во многом едва ли не хуже еще гораздо, нежели при самом П<авле I>».⁴⁴ И если положение армии, ставшее предметом описания у Марина, Болотова, по всей видимости, мало волновало, то фраза из уст Суворова, завершающая «Разговор в царстве мертвых»: «Знать средства всех спасти другого не осталось»,⁴⁵ возможно, в начале XIX в. уже вызывала у Болотова сочувствие.

Помимо упоминавшейся эпиграммы на Лопухина, эпиграммы П. А. Вяземского на Голенищева-Кутузова⁴⁶ и краткой эпитафии Дашковой (5: 287), одно сатирическое стихотворение посвящено Гагарину⁴⁷ и одно адресовано Долгорукому (7: 289).⁴⁸ Выбор имен здесь, очевидно, случаен, хотя предъявляемые обвинения довольно типичны для сатир на вельмож и сановников: несправедливо нажитое богатство, ханжество, прикрывающее алчность и разврат, жажда власти, спесь и т. д., т. е. все то, что обычно предъявляется героям сатир. Встречаются и тексты, охватывающие сразу целую группу таких персонажей, как, например, «Злословие на бояр» (13: 301) или «Сатира на вельмож» (14: 301).

Ряд стихотворений отражает обманутые ожидания александровского царствования. Это притча Давыдова «Орлица, Турухтан и Тетерев» и стихотворение «Увы». В обоих текстах золотой век екатерининского царствования противопоставлен александровскому правлению. «Увы» начинается с сожаления о несправедливо раздаваемых наградах, в частности о получении ордена Св. Владимира неким купцом. Далее автор предрекает России скорую гибель, спасти от которой может только небесное заступ-

⁴³ Эти впечатления от нового императора отразились во второй части «Памятника претекших времян...».

⁴⁴ Лазарев А. Я., Толмачев А. Л. Новые страницы жизни и приключений Андрея Тимофеевича Болотова... С. 52.

⁴⁵ Подпольная поэзия... С. 56.

⁴⁶ Вяземский П. А. Стихотворения / Вступ. статья Л. Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. Л., 1986. С. 66. Но если в оригинале у Вяземского речь идет о «Картузове», то в списке Болотова он прямо назван Кутузовым.

⁴⁷ Подпольная поэзия... С. 64—65.

⁴⁸ Эпиграмма на Голикова (1: 280), в которой выражаются сомнения в праве «воспитанника дьячков» писать историю Петра Великого, стоит несколько особняком.

ничество покойной Екатерины II. При этом «наш монарх» в сатире назван «кротким» и показан «обманутым» приближенными, в частности Сперанским. Тема былого величия России в эпоху екатерининского правления и необходимости достойно увековечить ее память звучит и в стихотворении «Некоторый род сатиры на поставленный монумент Великой Екатерины в Москве в зале Благородного собрания» (9: 296).

В стихотворении «Преимущество» (12: 300) сопоставляются преимущества денег и ума, в частности на примере Ломоносова. Выбор Ломоносова здесь выглядит более чем странно, можно только предположить, что сам автор осознавал себя поэтом, и потому объектом сатиры выбрал давно покойного, но успешного, с его точки зрения, собрата по перу. При этом начинается стихотворение с цитаты из Я. Б. Княжнина и упоминания Шереметева (вероятно, Петра Борисовича), а заканчивается рядом имен вельмож самого конца екатерининского царствования и несколько более позднего времени. Очевидно, что для автора этого стихотворения XVIII в. представляет некое единство, лишенное диахронии, но зато хорошо иллюстрирующее торжество капитала. Этот текст, как и «Сатира на рулетку» (3: 283) и стихотворное «Письмо сельской девушки московской» (11: 298), направленное против щеголей и тех, кто предпочитает «Кузнецкий мост своим отечеством считать», представляет собой довольно типичную для журналистики XVIII—начала XIX в. «сатиру на пороки». При этом качество и сохранность второго текста заставляет предположить, что он, как и многие другие, взят из журнальной публикации, но установить источник пока не удалось.

Итак, на основании представленных текстов с большой осторожностью и лишь отчасти можно охарактеризовать картину мира или образ мысли недовольного дворянина, сочиняющего сатирические стихи и распространяющего их в списках. Основным объектом возмущения и сатирического высмеивания являются вельможи, приближенные к царю, обманывающие его и стоящие между монархом и основной массой его подданных. Сами они прежде всего обладают несметным и нечестно нажитым богатством (именно деньги — главный предмет зависти и осуждения) и проводят жизнь в порочных удовольствиях, чиня препятствия для продвижения по службе и честного заработка простым дворянам. Очень важную роль здесь играют личные обиды, реальные или мнимые. Прошлое представляется золотым веком, раем и, учитывая время создания сборников, часто ассоциируется с ека-

теринским правлением, давшим дворянству «Наказ» и «Жалованную грамоту». Реформы нередко воспринимаются как зло и движение от былого процветания к упадку России, а современное состояние страны рассматривается как начало этого падения. При этом постоянное появление новых текстов и новых объектов для сатиры не вытесняет старые, и они продолжают бытовать и «носиться в народе», в результате чего представление о хронологической последовательности событий и их историчности оказывается размытым, но общая картина остается неизменной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Материалы из составленных А. Т. Болотовым
сборников «Магазин достопамятных бумаг
и носившихся в народе слухов»**

В Приложении выборочно публикуются тексты из представленных в статье сборников, которые ранее не были напечатаны. Орфография и пунктуация приближена к современным нормам, с сохранением некоторых речевых особенностей, а также неточностей грамматики и стиха, встречающихся в рукописях. Конъектуры и неразборчиво написанные слова заключены в угловые скобки. Тексты приводятся в хронологическом порядке записи и пронумерованы сквозной нумерацией.

РО РНБ. Ф. 89 (Архив А. Т., П. А. и А. П. Болотовых). Ед. хр. 78.

Магазин достопамятных и любопытных бумаг и писес, носившихся в народе.
Ч. 1. 1796.

л. 55

**1. Эпиграмма сочинителю истории Петра Великого
г. Ивану Ивановичу Голикову**

Воспитанник дьячков, безграмотный творец,
Скажи, чьей властью соделался писец,
Когда вскарабкался на трудную столь гору?
Или мрак умного был непричастен взору?
Свершил желание отечества сынов,
Тем Голиков к нему открыл свою любовь.
Великого Петра деяния чудесны,

л. 55 об

Труды, старания сколь были нам полезны,
Явил трудами ты толико многих лет.
Творению его давно чудится свет,
Но кто ж достойно то изобразить потщится?
Судьбой был избран ты, с усердием стремился,
Покрыв лентящихся ученых всех стыдом,
Бессмертия достиг всехвальным столь трудом.

2. Песня, сочиненная на случай смерти Светлейшего князя гр. Александра Потемкина Таврического
На голос: «Малбрук в поход пустился...»

Л. 68

Фельдмаршал к войску едет,
Конь был его гнедой.
Не знать, когда придет
Оттоль гетман домой.

Он в Рождество Христово,
Иль будет в Новый год.
Он дал всем верно слово —
Сего ждал весь народ.

Л. 68 об.

Все праздники проходят,
Гетман не едет к нам,
И вести не доходят,
Что сделалось с ним там.

Племянница хотела
Узнать, затем в Херсон
С отчаяньем летела,
Как Геркулесов конь.

Но чтоб избыть сумненье,
На башню вверх восходит,
Как птицы зрит паренье,
Так к ней курьер подходит.

Он в черной был одежде,
В кибитке прискакал.
Та радостей в надежде,
А он пред ней рыдал.

Л. 69

Гонцу она вещала:
«Что нового привез?»
Сама вся трепетала,
Лия потоки слез.

«Скидайте шаль вы алу,
Стирайте красоту,
Привез печаль немалу —
Оденьтесь в черноту.

Ваш дядюшка скончался
В степи и на плаще,
Он с нами ввек расстался,
Вам жить велел еще.

л. 69 об.

Я видел погребенье
И многих слышал толк.
В каком, ах, изумленье
Его тогда был полк!

По войску слух промчался,
Что князь оставил свет,
Кричат: „Увы, скончался,
Фельдмаршала уж нет!“

С гетманской булавою
Начальник войска шел,
Коня с золотой уздою
Покойник за ним вел.

Два верных генерала
Несли его шишак,
Два контр-адмирала
Над ним держали флаг,

Двенадцать есаулов
Держали балдахин,
Сто двадцать штаб-драгунов
Лишь гроб несли один.

л. 70

Пред ним шли архиереи,
И тьма идут попов,

И певчы все в ливреи
Из множества полков.

Гроб в яму опустили,
И в входе у дверей
В минуту утвердили
Бесценный мавзолей.

Слова я зрел златые,
Успешных счастья дел,
И дни его драгие,
Как он спокойно вел.

Вокруг сей пирамиды
Все лавровы древа,
Всреди поют друиды
Печальные слова.

Когда ж все совершили,
Пошли все по домам,
Обряд все учинили,
А я был послан к вам.

л. 70 об.

Тогда уж было поздно,
Все думали о сне.
Ложились, как возможно,
Покорствуя судьбе».

3. Стихи, или Сатира на рулетку

л. 71

(при переписке очень много выдалось непонятного, ошибок)⁴⁹

В новостях на обезьяну
Я всех боле похожу,
Хоть себе не без изьяну
В утеху я сужу.

⁴⁹ «Сия рулетка есть игрушка, которою в Москве занимались все и всякого сорта люди, даже до дурачества, и не только наедине, но и в гостях. На других больших собраниях и щеголяли иные уменьем играть оного обеими руками, а иные кичились богатством и дороговизною сих рулеток» (л. 70 об., здесь и далее примеч. А. Т. Болотова).

Никому хоть не полезна,
Хоть и мне не без вреда,
Лишь бы новостями любезна,
Любезным занимаясь без стыда.

Броса свайку и шелкушки,
Кубари или волчки,
Что старые игрушки?
В них играют простяки.

Я куплю игру по моде,
Что парижский сорванец
Выдает у нас в народе
Щегольства на образец.

л. 71 об.

Пречудесное создание
Есть рулетка в жизни сей.
Всех влечет к себе вниманье,
Все равно довольны ей.

Носят все в руках рулетку:
Баря, слуги и купцы,
Постоянные кокетки,
Острословы и купцы.

Всяк искуснее быть хочет
Прочих в сей игре.
Об искусстве тот хлопочет
В день, и в ночь, и на заре.

Кто в любви тлеет всех жарче,
Зрел в любви едину тень.
Он рулеткою начал —
Провождает целый день.

л. 72

Пьяница, оставя водку,
Над рулеткою мычит,
Промочить желая глотку,
Он в кабаке рулетку мчит.

«Я пять сот держу закладу», —
Мот с восторгом говорит,

Кто сто раз пойман кряду
И с рублем домой бежит.

Новою нашед утеху,
Покупайтесь весь народ.
Не купив, достоин смеху
Я соделаюсь урод.

Я рулетку золотую
С бриллиантом окую
И за выдумку такую
Честь французу отдаю.

Философы досаждают,
В ком видит порок,
Об рулетке рассуждают,
Пусть забравшись в уголок.

Ах, уму здесь места нет,
Я то вижу наяву.
И разумного на свете,
Право, я не нахожу.

РО РНБ. Ф. 89 (Архив А. Т., П. А. и А. П. Болотовых). Ед. хр. 79.

Магазин достопамятных и любопытных бумаг и пиес, носившихся в народе. Ч. 2.
1797—1807.

4. Запрос, сочиненный кем-то к Державину

Л. 145

Ну-ка брат, певец Фелицы,
На свободе от трудов
И в отставке от юстиций
Накопляй в бюро стихов!

Для поэзии ты способен,
Играть мастер в ней умом.
Но за что стал неугоден
Ты с министерским пером?

Иль в приказном деле хватки
Стихотворцам есть урок?

Чьи, скажи, были нападки
Или изгнан за порок?

Л. 145 об.

Не причиной ли доносы?
Ты протектор оных был
И чрез вредны их заносы
Тму невинных погубил.

Не затеи ли пустые
Быть счастливей в свете всех
Помрачили дни золотые,
Мечь составя из утех?

Не коварство ль то лихое,
Коим жадно ты дышал,
Повергнув жало злое,
И чтоб ты под ним упал?

Не стремление ли дерзко
Людей добрых затмевать
Укусило тебя едко
И заставило хромать?

Не жена ль еще виной,
Ум которой в волосах,
К лихве с долгою рукою
Задала тебе щелчок?

Л. 146

Расскажи мне откровенно
Напасть, съевшую тебя,
И тогда я совершенно
Дам узнать тебе себя.

Покажу и те примеры,
Как нам надо в мире жить,
На какой вес и на меры
Нам рассудок положить.

Как, с фортуной обращаясь,
Ея благом управлять,
Прямо смертным называться,
Честь и совесть сберегать.

А коль плохо в неудачи,
То теперь ты испытал:
Из коня залез ты в клячи,
Но был знатный Буцефал.

РО РНБ. Ф. 89 (Архив А. Т., П. А. и А. П. Болотовых). Ед. хр. 80.

Магазин достопамятных и любопытных бумаг и пиес, носившихся в народе. Ч. IV.
1809—1811.

**5. Эпитафия княгине Катерине Романовне Дашковой,
скончавшейся в Москве генваря 4-го 1810 году**

Л. 27

Княгиня Дашкова под камнем сим лежит.
Сокрывшись под него, она уж не блажит.
(Неизвестный).

6. Мысли унылого дворянина

Л. 45 об.

От Рюрика поднесь дворян не утесняли,
Зато Россию все владычицей считали.
Коль грамоте кто знал, доволен был и тем,
Но правда и закон был общий удел всем.
Геройство, подвиг, труд трофеи созидали,
И в общем счастье все свое тогда считали.
Летать по небесам и в глубь морей ходить,
Закон у римлян чтить, дела умов делить.
Где Вена, где Париж хотя того не знали,
Но быть опорой все отечеству желали.
Великие, во днях владычества им,
Почтеньем, правами делилися своим.
А сын поповский днесь как мыльный шар летает
У счастья под рукой, цены трудам не знает. Л. 46
Науки вводит он, невежей бывши сам,
Где гибель общая, он ищет счастья там.
Искусственным мечом Россию поражает,
Худой политик быв, и дел совсем не знает.
Неведенья завес у всех он хочет снять.
Но как же может он тогда умы унять,
Чтоб выучась всему, дел дворских не видали
И мыслей таин всех тогда ж не угадали,

И с тем упала б с вас личина пред людьми —
Что ж стали б вы тогда? Как куклы пред детьми.
Безумец!.. рассмотри!! что хочешь ты затеять:
Остальну вырвать ветвь, вражду меж всех посеять?
Какая польза в том, хотя б в России всяк
В профессорство пошел, сказали б тогда так:
Пустое нам в делах и день и ночь трудиться,
Пойдем мы для чинов наукам все учиться.
И в суд уж не судья, но школьник бы пришел,
На то чтоб побывать, и тотчас бы ушел.
Науки с деньгами где весить для них будут,
Профессоры тогда себя не позабудут,
И так ученых тма явилася бы нам,
И цену бы себе всяк увидел тогда сам.
Пошел бы умник сей тогда на смерть спокойно.
Он тотчас бы сказал: волом быть непристойно,
В природе право всем равно принадлежат,
Всем смертным на земле, мне всякий в лице брат.
Без личных своих польз лить кровь других не в силах,
Для глупых лишь одних пусть счастье в могилах.

Иной, судьбою став, издаст нам приговор
Из многих силлогизм, ученых метафор,
Причины сходствия покажет плодovито,
Ораторским пером и пышностью набито.
Но что за польза в том, что только для наук,
Но правде не подаст к защите бедных рук?
Велит учиться всем, чтоб знали по-французски.
На что подъячему, когда он и по-русски
Без нужды правит всем, закон царев блюдет,
Порядок дел он весь по навыку ведет,
Которого, как он не будет знать ученый,
Без опыта, весь век, но с той только отменой,
Кто тридцать лет трудясь, став всем необходимым,
Тот должен бросить все и быть руководимым
Безумием твоим?! За то, что он французской
Не выучил язык, а грамотою русской
Хотя полезный сын закону и царю,
Остался без чинов... я мщением горю!
О Бог! Дай разум мне! С вопросом уж дерзаю!
В хаосе смутном сем в себе себя не знаю.
Ужель в всеведцах днесь нам чуждых языков
Не может никогда быть сущих дураков?

л. 46 об.

л. 47

л. 47 об.

На что я вопрошаю, я вижу то глазами:
 Сей век для таковых
 ин хлоп теперь зубами!

**7. Сатира князю С. Н. Долгорукову, министру
 в Голландии**

Л. 59

Воскресни, Ювенал, воскресни, правды друг,
 Вручи свою мне кисть, вперив в меня свой дух.
 Чтоб смелою рукою, презрев ехидны жало,
 С злодейства, с глупости я сорвал покрывало.
 Чтоб в сих моих стихах твой едкий редкий слог
 Постыдные дела карать достойно мог.

Опять с сатирою — я слышу — мне пеняют,
 Опять стихи о том, о чем давно все знают.

Людские каверзы у всех наперечет,

Л. 59 об.

И что ни скажешь ты, уж все обыкновенно.

Как? Под предлогом сим открыто, дерзновенно,

Подъяв с бесстрашием надменное чело

И языки связав, восторжествует зло?

И мне велят молчать, затем, что все не диво?

Быть может, если б я сказал, что племя лживо

Издавна завистью на истину шипит,

Что блеском золота дурак толпу слепит,

Что по приданому ценится лишь невеста,

Что ходит человек с способностью без места,

А с покровительством при должности глупец,

Что деньгами достал ассессорство купец,

Что Лиза под шумок рога кует Злораду,

Что Сусликов себе лишь в пунше зрит отраду, —

Л. 60

Признаться, о таких писать мирских грехах

И в прозе не почто, не только что в стихах.

Из давних уже лет все это между нами

Обыкновенными считается делами,

Но к вящему всегда стремяся, человек

Нам новые явил неистовства в наш век.

Неужель кажется та вещь обыкновенна,

Когда в числе честных средь общества почтенна

Без затруднения Щечин себя вместил,

Хоть банком сто семейств он по миру пустил?

Разбойник вежливый, неся бесстыдно рожу,

л. 60 об.

Алкая холодно со всякого драть кожу,
Тем разве сделался на честного похож,
Что выдумал из карт на ближних сделать нож?
Что нужды! Честен он, коль всюду без простою
Лишь только проиграл, всем платит чистотою...
Все знают, что он вор, но принят потому,
Что конча партию, не должен никому.
А что он крал — так то он в банк летал счастливо.

л. 61

А это, например, ужли не чтить за диво,
Когда губернию Подлянин разоря,
И уж обруганный указом от царя,
Другой род службы взяв и, ко стыду законов,
В распоряжение вступая миллионов,
Мнит так: пускай граждан мешают грабить мне,
Убыток вымещу я этот на казне?
И шествуя стезей воров без остановки,
На шее с лентою, избавясь от веревки.
Иль жаркой мы тогда быв заняты войной,
Заграбин и Хапков в подряд вступя с казной:
Один, не выставя припасов и доспехов,
Ко славе препинал путь войскам среди успехов,
Другой на раненых свершил в гошпиталях
Смерть, недоконченну на Марсовых полях.
Корыстолюбия всем жертвуя кумиру,
Готовы подписать за грош погибель миру,
Хоть сделались они, рождая бедствий тьмы,
Солдатам пагубней картечей и чумы.
Но покровительство достав себе из платы,
Великолепные воздвигнули палаты,
Дают и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы всепевают им хвалы.
Искусством повара загладя преступленьи,
Средь пиршеств жизнь ведут в приятном усыпленьи.
А воин между тем, пришедши на клюке,
И через них от них не в лавровом венке,
Простря под окнами иссрелену десницу,
За счастье чтит достать от их стола крупицу.

л. 61 об.

Посмотрим на село теперь откупщика:
В карман его течет серебряна река,
Презревши скромные в лаптях отца примеры,
В дворяне вышел он, и даже в кавалеры,
И столько сделался своей казною дюж,

Что тысяч несколько теперь имеет душ.
А начал он с чего? — как был еще кричишка,
Он кое-как тогда достал себе чинишка,
Но встретя к откупам преграду чрез него,
Бесстыдно отперся от чина своего.
И вдруг он стал купцом — и вновь вступил в дворяне,
Как туго у него уж сделалось в кармане.
Каких ни принимал к обогащению мер
Сей из подносчиков возникший кавалер!
Не удовольствуясь, что пьянством портил нравы,
Он пакостил вино, клал вредные приправы,
И часто, превратя народну радость в плач,
На откуп им взятых губерний был палач.
Но кто, окружена сей ветреной толпою,
С торжественным лицом, нетрепетной ногою,
В алмазах с жемчугом вступает в маскарад?
То Фрина, но ее прелестный хитрый взгляд
Злитима уловил и в узы Гименея
Она вторично с ним вступила, не краснея.
Как? Но ведь жив еще Простон, ее супруг?
Ужли религия в желаньях остановка?
Поверьте, в свете сем потребна лишь сноровка.
С Простоном надобен у Фрины был развод,
Простону золотом зажали тотчас рот,
И муж уступчивый, муж прямо светский, модной,
Он исповедь свою соделал всенародной
И грешником себя без дальнего труда
За деньги объявил до Страшного суда.
Людские разумы так ныне изострились,
Что на слова поймать и Бога ухитрились.
Сыскали способы в евангельских речах
Пороку дерзостный обезопасить шаг
И в беззакониях законом стали правы.
О просвещение! О времена! О нравы!
Продажу уняли в солдаты наших слуг,
Так стали жен своих сбывать за деньги с рук!
Я мыслю, что сия торговли отрасль нова,
И скоро множество посадских и бояр
К Макарью жен менять поедут на товар.
Что разве ничего уж в мире нет святого,
Иль нас живых пожрать геена уж готова?
И в злодеянии погрязнув целый свет,

Л. 62

Л. 62 об.

л. 63

В нем добродетели уж вовсе места нет.
Сатирик, посмотри на скромную Любиму:
Она в собраниях не взглянет на мужчину,
И день и ночь она с подругою своей,
И прелесть волокит не действует над ней.
Ужли и тут найдет язык твой путь к злословью?
Нет, не клеплю ее я к модникам любовью,
Но целомудрия хранится ли устав
Чрез нарушение природы вечных прав?
И стоит ли она хвалы за то пред светом,
Что пол ея для ней стал похотей предметом?
Противестественной любвию дыша,
Мужчин бежит ея уродлива душа,
Но с тем, чтоб жертвуя неистовств нову роду,
В объятиях подруг им оскорблять природу,
Неслыханы досель похабствы здесь явить,
Распутством Греции Россию удивить
И, молодость девиц невинных развращая,
Губить их нравственность и здравье поглощая.
Но кинем сих злодейств мерзительный собор.

л. 63 об.

На глупость, на порок прострим усталый взор.
Посмотрим, меньше ль мы у них в порабошеньи,
И сильны ли у нас успехи в просвещеньи.
Первейшим долгом все считают меж людей
О воспитании пещись своих детей,
К их сведенью довести науки и искусства,
Любви к отечеству влить в сердце жарки чувства,
На пользу общую образовать их дух,
Чтоб сын отчества был вместе людям друг.
Вот сладкие плоды трудов, отцам приятных.
Рассмотрим же теперь своих невероятных.
Имеют ли сии отечеству сыны

л. 64

Потребны качества для блага сей страны?
Различны знания, чем их умы набиты,
Нам могут ли служить для славы и защиты?
И с полным сведеньем о всех землях чужих
Хоть сокращенное о нашей есть ли в них?
Какой к отечеству их жар, к служенью рвенью
И к праху праотцев в душе благоговенью?
Я тщетно русского найтить меж ними льщусь:
Всяк англичан из них, иль немец, иль француз.
Презренье к своему, к чужому почитанье

Им иностранное внушило воспитанье.
Там Вральман, тут Годдем, а здесь учил Аббе,
И всяк образовал питомца по себе.
Дивиться должно ли, что сих людей уроки
К природным привили иных земель пороки?
Коль собственный разврат удвоили чужим,
Когда отечеством своим не дорожим,
Так дивно ль, что, имев забавы тщетны целью,
Там посвящает дни виновному безделью,
Что вставши с помочей мальчишка в двадцать лет
С распутной девкою открыто жизнь ведет?
Что тот, кто рожею сесть к ставцу не умеет,
Судить религию, судить правленье смеет,
И на губах не дав обсохнуть молоку,
Пределов не кладет болтливую языку.
По моде враг дворян, по моде друг народа,
Свободою пленен, не зная, что свобода.
И в клубе аглинском прехрабрый молодец,
Но в поле чести, там, где пал его отец,
Бесстрашно защищав отечество любезно,
Он ни ногой туда — и было б бесполезно.
Наукам, кои знать дворянства есть удел,
Учиться он в свой век не мог и не хотел,
И, к модным знаниями стремя дары природы,
Он мастер рисовать одни карикатуры.
Что ж, войскам сделал бы присутствием своим
Помеху бы иль вред принес собою им,
Влача всю жизнь свою впотьмах невероятной
И к гробу пляшучи, спешить стезей развратной,
Предавши в сих стихах, не льет из рода в род
Внушаемый теперь о воспитаньи плод.
К словесности ль на час мы нашей обратимся —
Произведениям ея мы не восхитимся.
В ней модных авторов французско-русский лик
Стремится исказить отеческий язык.
Один в ней следует жеманству Дюпатию,
Другой с собакою вступает в симпатию,
Там воздыхающий плаксивой Миле Флер
Гордится, выпустя сентиментальный вздор,
Тот без просодии стихами песни пишет,
Иной лживостью в развратной сказке дышит,
А сей, вообразя, что он российский Стерн,

Л. 65

Л. 66

- Жемчужну льет слезу на шелковистый дерн.
Приветствует луну и входит в восхищенье,
Курзивно описав земли своей прощенье.
Л. 66 об. Всем хочется писать, велик иль мал их дар,
Повсюду авторства в сердцах затлился жар.
Исполнить торопясь писателей желанье,
Все в ежемесячны пустилися в издания,
И наконец я зрю в стране моей родной
Журналов тысячи, а книги ни одной.
Орел поэзии, честь лиры, славы русской,
К тебе я обращаюсь, бессмертный Ломоносов.
К тебе, которого в стихах бессмертный дар
В тьме подражателей родил напрасный жар.
Сколь путь шероховат к Парнасу их ватаг.
Измучутся прыгнуть — споткнулись, и в овраг!
Я часто оды их читаю — хохочу,
Бросая, и с тобой беседовать хочу.
Но может быть театр здесь славой россиян
И две на нем сестры благоприятны нам?
Л. 67 Заглянем на него, заглянем на успех
Искусство в нас рождать иль слезы, или смех.
Какие общего достойны удивленья,
Мы в модных драмах зрим диковины явленья
И скучных свободясь издревля чтимых муз,
Чем превосходен стал очищенный наш вкус,
К благопристойности пустую бросив веру,
Нам б... на театр выводят для примеру.
В комедиях теперь не нужно острых слов,
Чтобы смешить, пусть на сцену дураков.
К законным детям дверь чувствительности скрыта:
Нет жалости к бедам несчастна Ипполита,
Л. 67 об. Иль Ифигении, стнящей от отца,
Один лишь сын любви здесь трогает сердца.
Гуситы, попугай предпочтены Сорене
И коцебятина одна теперь на сцене.
О сколько б был благословен сей час,
Когда б в одних стихах здесь порча завелась
И в грамматических писаньях лишь встречалось,
Когда <бы> нравственность у нас не развращалась,
Когда бы в юношах свободы вредна страсть
К презренью не ввела у них священну власть,

Когда б учителя, возникшие из грязи,
Софизмом родственны не разрывали связи,
Когда бы целою всяк частью чтя себя,
Совлекся самости, отечество любя,
И ревностью в его служеньи восхваленной,
Гордился русским быть перед лицом вселенной.
Но тщетно ждать того от наших молодцов:
Прошедшей славы гром, примеры их отцов
Бессильны тронуть в них собою полны души,
И долга общий глас вотще разит им души.
Прочтеши все сие, еще ли скажут мне:
Всегда бывало так на нашей стороне.
От вопля моего еще ли не проснутся,
От следствий пагубных еще ль не содрогнутся?
Вот что мне сердце рвет в отечестве моем.
К несчастью, быв не слеп, ищу я тщетно в нем
Болезненной душе хоть в чем-нибудь утехи.
Час мрака наступил, сокрылись игры, смехи,
Совсем лишились мы знакомства милых муз,
И естли с тем хранят они еще союз,
То ревом буйныя ватаги отстраненный,
В беседах дружных лишь возносят глас смиренный.
Меж тем как дерзкого невежства мутный Нил
Его со всех сторон бесстыдно наводнил.
На глупость, на разврат глядя, читавши в мире,
Я скрылся, чтоб играть свободное на лире,
Чтоб волю в сих стихах дать чувству моему
И дружбе посвятить и зрелому уму.
И льстятся, что они тягчить не будут скукой,
Тебе сей дар принес, любезный Долгорукой.
Прими его, прими, колико он ни мал,
Еще не кончену ему ты соплескал.

Л. 68

Л. 68 об.

8. Плач петербургских жителей

Л. 146 об.

Лишь с Англией разрыв коммерции открылся,
То внутренний наш враг на прибыли пустился:
Врагами суть все те бесстыдные плутцы,
Грабители людей, бесчестные купцы,
На сахар цену вновь тотчас и наложили.

л. 147

Не иностранный днесь, но внутренний грабеж!
 Потребно сим плутам назначить тот рубеж,
 Чтоб сахар прежнюю ценою продавали
 И против совести двойной цены не брали.

Сей мерзкий род не чтит ни веры, ни креста,
 Где есть барыш, продаст и самого Христа.
 Начальство светское, воньми сие моленье
 И от злодеев сих подаждь нам избавленья!

РО РНБ. Ф. 89 (Архив А. Т., П. А. и А. П. Болотовых). Ед. хр. 81.
 Магазин достопамятных и любопытных бумаг и пиес, носившихся в народе. Ч. V.
 1811—1812.

л. 79 об.

9. Некоторый род сатиры на поставленный монумент Великой Екатерины в Москве в зале Благородного собрания

Примечание.

В самое то время, когда по поставлении 21 апреля 1812 года в Москве в зале Благородного собрания драгоценного медного изображения в колоссальном <нрзб.> Великой Екатерины, все соучастники сего собрания занимались прениями и спорами о том, дозволить ли бывшим в сие время старшинам сего общества пожелать их изобразить на пьедесталах сего монумента свои собственные имена и передать их чрез сие потомству, некто сочинил следующие стихи на сей случай.

л. 80

Стихи

Великая жена, которой сам Творец
 Судил превознести сан царский и венец,
 Могла ль вообразить, когда Петра почтила
 И зрак его в меди на воздухе явила,
 Что некогда, увы, кичливая Москва,
 Старинных россиян отчизна и глава,
 Не иначе тебя, твой красный век прославить,
 Как в зале плясовой твой памятник поставить?
 Тогда как сильный Петр, бессмертье предваря,
 Во образе своем как солнышко горя,

Во образе своем слили славу, и потомки
С своими съединил ея деянья громки,
И будет над Невой сиять толико лет,
Коли<ко> свод небес и дня продлится свет.
Прилично ли тогда ж Москве быть равнодушной?
Корысти ли? О стыд! Или страху столь послушной,
Чтоб чувство вдруг всего изящного забыть
И первый монумент столичный заключить.
Средь стен, подверженных всечасно разрушенью,
Влияние погод, случаев измененье?
Признательной душе сам разум говорит:
Кому? Когда? И где хвала принадлежит?
Давно ль Неве Москва в восторгах уступает?
Та высит свой трофей — сия уничижает.
Взглянул вокруг Петра! Там верфь, музей, Сенат.
Вокруг Великой здесь что зрю? Охотный ряд.
Того ль за гробом ты от россов ожидала,
Когда пером одним судьбы всех царств равняла.
Ужель ей места нет на Красной площади?
Туда ее — и там Россия вся пади!
Пади пред ликом той, чья длань тебя хранила,
Чей ум тебя вознес, душа животворила.
Века и ветхий Кремль давно сей части ждет.
Отсюда злато вдруг реками потечет,
Рассыплются везде златницы сокровенны
Екатерине в дар за дни ея блаженны.
Одесса и Кавказ, Таврида и Казань
С восторгами к ногам ее повергнут дань.
Не рабства робкий вклад, но жертву умиленья,
Достойную души ея и просвещенья.
Одна лишь надпись! Тлен и бедный дар сердец.
Пускай бессмертный наш, но <нрзб.> творец,
Державин, сам пришет к ней надпись превосходну.
Прочтут и прокричат об ней молву народну.
Но буквы и кумир, все счесть воздушна пря,
Екатерина здесь должна воскреснуть вся,
Под кровом ярких звезд в виду всего народа,
Которому дана из уст ее свобода.
Дадим россиян<ам> из рода в род урок,
Явим, что мы царей умеем высить рок.
Повинны им живем — по смерти ублажаем,
У времени свою добычу восхищаем.

Л. 80 об.

Л. 81 об.

Л. 81 об.

И в точности залог вид той передаем,
Которую своей мы матерью зовем.

РГБ. Ф. 475 (Архив А. Т. Болотова). Карт. 2. № 1.

Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе. Ч. IX. 1813.
Январь—февраль.

л. 95 об.

10. Акростих Сперанскому

Судьба из праха взяв, за что-то полюбя,
По милости своей лелеяла тебя
Ея могущею рукой непостижимой.
Равнялся с барином уже своей ты силой,
Алкал богатства ты, был оным пресыщен,
Наград в чинах желал и ими награжден.
Скажи, чего еще тебе недоставало,
Кутейкиным родясь, неужли сего мало?
О изверг естества, ненасытима пасть,
Иди оплакивать заслуженную часть!

РО РНБ. Ф. 89 (Архив А. Т., П. А. и А. П. Болотовых). Ед. хр. 90.

Магазин достопамятных и любопытных бумаг и пиес, носившихся в народе. Ч. 24.
Июнь—август. 1814.

л. 96

11. Письмо сельской девушки к московской

Привыкнувши, мой друг, всегда тебя любить,
Решилась истину тебе я говорить...
Ты пишешь пустяки на разных языках,
Я правду объясню по-русски в двух словах.
Жалеешь ты, что я от света удалилась,
А мне так жаль тебя, что ты ума лишилась.
Жалеешь ты еще, что счастья не знаю,
А я так твоего себе не пожелаю.
Мое я нахожу в спокойствии души —
Твое блаженство в том, что платья хороши.
Я чту себе в закон друзей своих любить,
И дружбу чтобы их стараюсь заслужить,
А ты, любезная, кого не позабыла,
Кому ты жизнь свою и душу посвятила?
Жидку, француженкам, могу сказать — прекрасно!

Какие идолы! И думать то ужасно!
Поверишь ли, как писмы я твои читаю,
Твержу я их, твержу, а что не знаю.
Намаран вздор такой, что не могу понять,
Неужели в Москве вас учат только врать?
Неужель учат вас лишь модой заниматься?
За нею лишь одной без памяти гоняться?
Как жаль, что ты, мой друг, быв чувством рождена,
К несчастью, в Москве жить век осуждена.
Должна по моде жить, всю должность забывать,
Кузнецкий мост своим отечеством считать,
Должна всю жизнь свою в карете проводить,
Чтоб имя модницы, вертушки заслужить.
Какой титул, мой друг! Прельстила ты меня!
Приехавши в Москву, я попрошу тебя,
По дружбе обо мне чтоб ты похлопотала,
В журнал «Дух модных» меня бы записала.
У вас, как вижу, к нам большое уваженье,
Так может заслужу и я твое почтенье.
Не зная, что некогда тебе меня любить,
Любовь твою своей я чтилась заслужить,
Но так как ты меня теперь уж научила,
То мнение о тебе свое я пременяла.
Ты не сердись, что я так глупо рассуждала,
Обряды ваши я тогда нетвердо знала.
Однако ж несмотря, что стала уж умней,
Не буду никогда я презирать друзей
И не скажу никак, что должно их любить,
Но что не должно им всей жизни посвятить.
А думаю всегда счастлив тот человек,
Который для друзей прожить весь может век.
Другая бы тебе и отвечать не стала
На все те пустяки, что ты ко мне писала.
Но я тебя любила и люблю,
И для того с тобой от сердца говорю.
Хотелось мне еще и более писать,
Но я боюсь, что ты начнешь уже скучать.
А как с мадамою Шалме нарядами займешься,
То этим же письмом тотчас и подовьешься.
Вот для чего спешу скорее окончать,
Прося тебя хоть в месяц раз писать.

Л. 95 об.

Л. 96

12. Преимущество

Не люди добрые, а так сказать <нрзб.>
С досады говорят, что в деньгах без ума.
И думают, что то уж ясно доказали,
На Шереметева козь пальцем показали.
Те ж у него бренчат рублевики в суме,
Правдиво говорят, без денег, что в уме.
Могу на Княжнина в сей истине сослаться:
«Богатству счастием приличней называться».
Все строят денежки, нет слова вопреки,
И правды сей на счет мы все сбитеньщики,
Всегда с умом пешком, а с деньгами в карете —
То было, ныне есть и будет впредь на свете.
Два Ломоносова пример нам будут в том:
С чем лучше в мире жить, с богатством иль с умом?
Один ученый муж, оратор и пиита.
Другой хоть не мудрец, да лих мошна набита.
Тот с одою в руках в передней скромно ждет,
Когда его к себе Шувалов позовет.
И чести сей дождав, быв удостоен слова,
Он просит «Иову» защиты и покрова.
И к Разумовскому тогда пешком идет,
Как «Слово Первому Петру» с собой несет.
Сей, сидя на софе с Куракиным в беседе,
Советует, где быть в субботу на обеде,
А Завадовскому вистуя на бостон,
За то, что тот, забыв, ин вить пошел с бубен,
С досадой говорит: «И, граф, ты век играешь
И век свой ни мастей, ни козырей не знаешь».
Возьмем Кокушкина, когда сей господин,
На карты променяв удачливо аршин,
Хоть правда у него ума и не палата,
А с Безбородкою сидел запанибрата
И смело говорил (тогда, когда Хвостов
У притолки стоял, не разжимал зубов)
Преглупо о рудах, о книгах и картинах,
И славно о бубнях, о червях, жлудях, винах.
Смотри, как Гончаров, и нем, и глух, и глуп,
Как путный, с знатными ест на мадере суп.
Самойлова себе представим крайне бедство:
Что был бы он, когда б не дядино наследство?

И Разумовский Петр, Румянцев Михаил,
 Которых мозг умом Творец не отягчил,
 Что б были бедные, когда бы не порода
 И тысяч по сту в год им каждому дохода.
 Собакин, Чо<г>локов и Лазарева род,
 Демидов, Твердышев — серебряный народ.
 Они бы в лодочке на луже в век сидели,
 Когда бы кораблей с богатством не имели.
 Неизвестный

РО РНБ. Ф. 89 (Архив А. Т., П. А. и А. П. Болотовых). Ед. хр. 94.

Магазин достопамятных и любопытных бумаг и пиес, носившихся в народе. Ч. 28.

Август—сентябрь. 1814.

13. Злословие на бояр

Л. 30 об.

Хотя меня убей,
 Кочубей всех умней,
 Трощинский дельней,
 Васильев добрей,
 Вязьмитинов прямей,
 Чарторижский хитрей,
 Завадовский скупей,
 Чичагов злей,
 Лопухин прелюбодей,
 Румянцев всех глупей.

14. Сатира на вельмож

Л. 31

Вопрос

Скажи мне правду, ум,
 Считать ли тех людьми,
 Которые на то все лезут вон из кожи,
 Чтоб брюхо у вельможи
 Набить потуже стрелядьми?
 Или хотят, чтобы судье скотину
 Вельможа наградил крестом за лососину?
 Равно еще мы спросим не вотще:
 Идея его в том, есть ли честь и слава,

Что ползает пред ним с ума сошедший мир?

Ответ

л. 31 об.

Вельможа человек... не каменный кумир.

Так знает: корм льстецов,

Не пища, а отравя.

Я двадцать лет писал для пользы человека,

И смехом, и слезой карал развратный век,

Но вечно не смешил скотиною скотины

Для рифмы стерляди и рифмы лососины,

Так тот, кто на меня сии грехи всклепал,

Узнавши сам себя, меня он не узнал.